

Риск власти — власть риска*

А. И. Стребков, А. И. Мусаев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Стребков А. И., Мусаев А. И. Риск власти — власть риска // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 394–406. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.215>

Статья посвящена анализу актуальной проблемы риска власти и власти риска, определений риска и обоснованию его объективного характера, обусловленного системой господствующих отношений, критике взглядов Лумана и Бека, игнорирующих объективную природу риска и определений риска, культивируемой авторами нарративной методологии, не имеющей ни социального содержания, ни значимых выводов. Риск власти и власть риска — понятия, отражающие различную совокупность связей и отношений, где риск выступает в качестве средства сохранения господствующих отношений. Объективность риска вытекает из простого факта, заключающегося в том, что господствующие отношения представляют собой не продукт независимой самостоятельности людей, а продукт отношений, опосредованных вещами, в которых посредник из рядового сводника превращается в абсолютную силу влияния на индивида. Посредник становится объективной властью, властью бессубъектной, определяющей, регулирующей, контролирующей, подчиняющей себе волю, обуславливая властные действия, а вместе с действиями и властные решения, стремящиеся к полюсу бессубъектной власти, в чем и положен риск потери власти, ибо, вращаясь между бессубъектной властью и индивидом, сила отталкивания от интересов индивидов превышает силу притяжения к ним. Риск, будучи вплетенным в господствующие отношения, обособляется в самостоятельное бытие в качестве средства сохранения этих отношений, в форме отрицания позитивных перспектив индивидуального бытия, перекладывания на плечи индивидов социальных рисков, превращения их в риски субъективные, за которые полностью несет ответственность принявший неверные решения индивид. Метаморфозы редукции объективных рисков, присущих обществу, в риски субъективные и индивидуальные, а также редукции индивидуальных рисков в риски объективные и общественные через сложную систему связей и взаимозависимостей завершаются в конфликте. В конфликте риск объективируется в действиях, сокрушающих противодействие отрицательных перспектив, утверждением такой системы отношений, в которых власть риска слабеет и затухает.

Ключевые слова: риск, риск власти, власть риска, субъективный риск, объективный риск, индивид, общество, господствующие отношения, капитал, денежная цивилизация, конфликт.

Проблема риска как явления, относящегося к социальной сфере, связанной с деятельностью человека в отношении природы, а также общества, имеет свою историю и связана она в первую очередь с воздействием сил природы, слабо или

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 19-18-00115 «Риск-рефлексия в современных российских стратегиях управления конфликтом».

совершенно непознанных. Чем меньше познаны условия деятельности, чем меньше знаний о предмете деятельности и средствах, обуславливающих ее, тем больше вероятность того, что эта деятельность будет не результативной, а опасной и разрушающей либо природу самого человека, либо его положение в обществе. Непознанная природа и общество, с которыми человек постоянно находится в общении, таили в себе опасности, но и постоянно манили человека своей неопределенностью. Прагматизм деятельного человека, который заключается в том, чтобы его деятельность приносила завершённый результат, удовлетворяющий его потребности — и неважно, будут ли это потребности духа или тела, — давал человеку возможность на свой страх и риск действовать, преодолевать и достигать цели, обогащая человечество опытом и знанием, отодвигая горизонты неопределенности. «О сколько нам открытий чудных готовят просвещенья дух, и опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг, и случай, бог изобретатель...» — писал А. С. Пушкин, поэтически отразив роль знания, опыта, интеллекта и случая в расширении горизонта познания, а значит — определенного, не допускающего риска или сводящего его к нулю.

Накопленные знания о природе и обществе определяют деятельность человека вне риска. Однако сознание никак не может смириться с тем, что знание есть средство, постоянно сужающее горизонты риска, но не избавляющее человечество от них. И дело здесь не в способности знания освободить деятельность от риска, сохраняющего свой атрибутивный характер, а в том, что само знание разделено. В одном случае знание законов природы в полном объеме раскрывает свой потенциал страхования деятельности человека от рисков, в другом случае, когда речь идет о знании законов общества, страхование деятельности человека от рисков находится в полной зависимости от социальных интересов, несовпадение которых открывает различные законы и предлагает различные способы страхования, определяемые в основном тем, что страхуется, — собственность или человек. И потому риск сохраняет свое значение атрибута деятельности, ибо деятельность, осуществляясь в оболочке особенного знания, всегда имеет границы, за которыми царит непознанное, неопределенное, и всякий выход за очерченные интересом границы сопровождается риском отрицания.

Для того чтобы знание стало всеобщим и положительным атрибутом деятельности человека, уберігающим его от неопределенностей и рисков, оно должно перестать быть знанием частного интереса или интересом партий. А до тех пор риск будут рассматривать как индивидуальную или групповую «деятельность, связанную с преодолением неопределенности неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность оценить вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от поставленной цели» [1, с. 19]. Или же возвращаться к обыденному пониманию риска, ибо «попытки определить риск в технических (научных. — *Авт.*) смыслах, так чтобы внедрить полезные концепции риск-анализа, специализированные определения вступают в противоречие с глубоко укорененным повседневным пониманием этого же слова» [2, с. 729]. Противоречие между индивидуализацией и обыденностью определений риска при этом купируют не созданием новых концепций, а научной экспликацией понятия «риск» [2, с. 729], не подозревая при этом, что «применительно к обыденному сознанию риска речь идет о теоретическом и тем самым онаученном сознании» [3, с. 18]. Нельзя исключать и вечно противопоставлять обыденность и научность, практику и теорию, так

как теория, не желающая потерпеть социальное фиаско, обязана, отталкиваясь от обыденности, возвращаться в нее с целью ее большей рационализации, понимания и объяснения, а не все большего противопоставления. Научное понимание риска связано не с индивидуализацией определения, не с обыденным определением, которое резко контрастирует с научными определениями, в которых социальная мера обязана превалировать над индивидуальной и обыденной мерами.

Экспликация в угоду не формы, т.е. науки как таковой, а содержанию, т.е. человеческой практике, всемерно приветствуется. Но в мире, где содержание науки, особенно социогуманитарной, все больше определяется не потребностями общества в знании, а конкуренцией знаний, форма начинает доминировать над содержанием, расписываясь в своем бессилии что-либо определить. «Дефинициям не надо уделять слишком много внимания, ибо они служат только отграничению предмета, но не его адекватному описанию (не говоря уже об объяснении)» [4, с. 139], — заявляет Н. Луман и приходит к выводу о том, что понятие «риск» охватывает множество различий в их единстве и тем самым дает возможность разным наблюдателям открывать различные перспективы, т.е. позволять самим себе обозначать риском то, что желаемо, отбирать риски по своему усмотрению, а так как «все совершают (или не совершают) свои операции актуально, полной произвольности не будет никогда» [4, с. 146–147]. У. Бек в этом смысле уходит еще дальше, полагая, что «социальное воздействие определений риска, таким образом, не зависит от их научной состоятельности» [3, с. 21], указывая, что проблема риска — практическая, а не теоретическая, что научная перспектива анализа риска туманна. В отказе давать определение риску, причем такое определение, которое отражает действительное, а не придуманное отношение, кроется методологический изъян, заключающийся в концептуализации действительности, в основании которой покоится индивидуализм, отрицающий закономерности надиндивидуальных, т.е. социальных, форм деятельности. Для Н. Лумана «сам по себе внешний мир не знает никакого риска, ибо ему неведомы ни различия, ни ожидания, ни оценки, ни вероятности — разве что собственные результаты наблюдающих систем в окружающем мире других систем» [4, с. 139]. Отказывая внешнему миру в знании о риске, Н. Луман апеллирует к субъективному характеру риска, тогда как последний, став атрибутом деятельности уже средневековых купцов и мореходов, потребовал от «наблюдающих систем в окружающем мире других систем», т.е. общества, страховой премии за риск. Общество не только знает, что такое риск, но и всякий раз, столкнувшись с ним, торопится минимизировать его или полностью свести на нет. Наблюдать и при этом не видеть наблюдаемого или все-таки видеть его внешне различимым, а внутренне вовсе не различимым, характерно для нарративной методологии, издревле являющейся основой сознания некоторых народов северной России, поющих о том, что видят, не добираясь до сути и выводов.

Не будучи последовательным в своем понимании риска как произвольно определяемого, Н. Луман, рассуждая о власти, полагает, что на смену такому понятию, как «злоупотребление властью», чем в основном характеризовалась добуржуазная эпоха, приходит «риск власти». Он видит основание такого вывода в том, что прежде властью злоупотребляли, сегодня ею рискуют. В довершение аргументации Н. Луман отвергает ставшие примитивными представления, не могущие дотянуться до современных проблем, до риска власти, к которым относятся теории «струк-

турного насилия», «господствующих классов», «прибавочной стоимости» и, наконец, теории, в которых заикленность на исторической теме, подобно гегелевскому прогнозу, «не содержит достаточно дифференцированного анализа проблемы риска» [5, с. 128]. Специалист по проблемам риска договорился до отвержения способности как материализма, так и идеализма справиться теоретически с новой, не имеющей аналогов в истории проблемой риска власти. Прежде не существовавшая проблема, оказывается, стала очевидной в результате использования новых подходов в анализе общества, а именно теории коммуникативных средств.

Как человечество избавило себя в результате изобретения А. Левенгуком микроскопа от неспособности видеть мельчайшие предметы, так Н. Луман посредством теории коммуникативных средств хотел избавить его от невидимого прежде риска власти и освободить тем самым общественное сознание от представлений злоупотребления властью. Но вот незадача: вооруженное его теорией человечество только и видит злоупотребление властью. В силу чего не может понять, почему невидимый прежде риск власти нельзя объяснить посредством «концепции “структурного насилия”, “господствующих классов” или весьма “наивной” концепцией о капиталистах и плутократах, извлекающих “прибавочную стоимость”», которая, по мнению Н. Лумана, «уже не отражает реальность, а служит лишь для стимуляции агрессии» [5, с. 128]. В обществе, в котором, по мнению Дж. Вайнера, «демоны беспредельного эгоизма казались не так страшны, как демоны коррумпированного и некомпетентного правительства» [6, с. 108], последние Н. Луманом игнорируются, но не игнорируется прежде невидимый ни одной теорией риск власти. Достаточных обоснований, кроме приведенных, мы у Н. Лумана не находим, и потому с долей вероятности предполагаем, вслед за Гегелем, идеализм которого в силу своей историчности мешает Н. Луману в его дифференцированном анализе проблемы риска, что «вытеснение политики, подразумеваемое либерализмом, равнозначное ее замаскированному возвращению в самой худшей из возможных форм: в форме войны» [5, с. 184]. Но вот «способна ли теория коммуникативных средств вывести науку из этого замкнутого круга?» [5, с. 128] На этот вопрос Н. Луман, останавливаясь на трех теоретических вариантах риска власти, так и не дает положительного ответа.

Малое в реальности, увеличенное до видимого и обозначенное новой абстракцией «риск власти», тем более власти, которая есть лишь коммуникативное средство, может быть той клеточкой, которая по своей социальной природе вообще неспособна, дифференцируясь, развиваться, но может являться в различных формах, принимаемых за нечто кардинально противоположное, а тем самым — за изменившееся и развивающееся. Власть в своей абстракции или сущности мало претерпевает изменений, а в формах — дифференцируется, и потому теория, степень социального увеличения которой слаба и ангажирована известными силами, видя изменившуюся форму, выдает ее за конечность дифференциации вообще и тем изначально обманывается и обманывает, т. е. является очередной негодной теорией, стимулирующей мистицизм.

Если в теории прибавочной стоимости социальная клеточка найдена — это товар, и эта клеточка делится на что-то еще, помимо самой себя: на потребительную и меновую стоимости, то в теории коммуникативных средств таких клеточек целых три — власть, истина и деньги, и они не могут выполнить свои функции, не раз-

ругавшись между собой. Они, как лебедь, рак и щука, тянут коммуникацию в различные стороны и тем не двигают ее с места, а оставляют таковой, каковой застали. Если из природного свойства вещи, созданной человеком и выступающей в качестве потребительной стоимости, отделяются ее социальные свойства — меновая стоимость — и тем данная вещь приобретает свойство товара, который начинает жить в силу анархии и стихии по своим законам, а значит, властвовать над людьми и быть объективной причиной их действий, то власть как коммуникативное средство своим источником видит решения, «причем в двояком смысле: 1) как власть, блокирующая властные цепи, которая может ни на что не воздействовать и ни за что не отвечать, но способна многому препятствовать, и 2) как власть, устраняющаяся на ответственных позициях от принятия решений» [5, с. 131]. Из чего вытекает эволюционный риск власти, заключающийся в риске «очевидности того, что власть не реализует свои собственные возможности» [5, с. 133]. Эта основополагающая идея, именно только идея, с действительностью совершенно не дружит. Мы видели, что Н. Луман скептически относится к Гегелю, он также скептически относится к фактам, которые говорят нам о том, что все разумное действительно, все действительное разумно, по аналогии с чем в каждый исторический момент власть является таковой, какова она есть, а о возможностях использования ее потенциала можно говорить сколько угодно, тогда как на самом деле власть использует свой потенциал настолько, насколько позволяют это делать обстоятельства. И поэтому проблема, увиденная Н. Луманом, надуманна и к действительности не имеет прямого отношения. Это во-первых. Во-вторых, для Н. Лумана власть, источником чего является решение, есть воля принимать решения и проводить их в жизнь. В связи с чем существует риск того, что решения будут опережать имеющиеся потребности либо, наоборот, запаздывать по отношению к ним. Но кто определяет, запаздывает или опережает решение, реализует власть в полном объеме собственные возможности или не реализует? Конечно, Н. Луман или сообщество луманов, ведь они пришли к открытию неиспользованных возможностей власти. Власти и властелины в истории приходили и уходили, одни через эшафот, другие на хорошее пенсионное обеспечение, а их апологеты говорили и говорят о том, чего недоставало власти, ушедшей в небытие, и находят ее неиспользованные возможности, но все это в прошлом, а для современных ученых является откровением риск власти, не реализующей свои собственные возможности. При этом они забывают, что власть — не просто решение, она есть отношение, а отношение потому отношение, что требует безальтернативного подчинения ему, не альтернативы решений, а единственного решения как отражения господствующего интереса, в противном случае решение принимается в рамках иного отношения.

Определение риска власти как ее неиспользованных возможностей внушает реальной власти противное действительности представление о том, что она может больше того, что уже имеет. Наполеон, Гитлер и иже с ними рассуждали точно так же, как предлагает Н. Луман рассуждать сегодняшней власти. «Тот, кто контролирует определение понятия риска, контролирует решение рассматриваемой проблемы, — пишет П. Слович и продолжает: ...если вы определяете риск одним способом, тогда определенная опция становится самой эффективной, безопасной и лучшей. Если же вы определяете другим способом, возможно внедряя качественные характеристики и другие контекстуальные факторы, тогда вы скорее получите

иной порядок решений для дальнейших действий... Определение риска есть, таким образом, осуществление власти» [2, с. 718]. Определяя риск власти как ее недоиспользованные возможности, мы тем самым определяем саму власть как власть бездействующую. Но бездействующая власть и не власть вовсе, а если и власть, то власть противодействия, власть обстоятельств, исключающих возможности и связанные с ними риски. В связи с чем можно сказать, что риски неиспользованных возможностей не существуют, это сочиненные риски.

Для власти основополагающим риском является риск потери власти. Если, например, правительства исходят из этого риска, то и решения по его преодолению концептуализируются в доктринах национальной безопасности, в которых указываются как угрозы и вызовы, так и средства их предотвращения. Вместе с тем власть как продукт отношений, в которых господствует рынок, «на смену волюнтаристскому вмешательству» вводит «профессиональные процедуры и логики (что десятикратно усиливается внедряемой цифровизацией правительственной деятельности. — *Авт.*)». «В мире, регулируемом чисто процедурно, т.е. деперсонализированном и правовом, не остается места прежним революциям, поскольку нет больше командующей властной инстанции, которую можно было бы свергнуть или заменить» [6, с. 28]. В связи с чем риски власти настолько минимизируются, насколько неприемлемо понятие риска по отношению к роботизированной технике и производственным технологиям, в которых соприкосновение с ними человека сведено на нет. Но как бы там ни было, власть, отгороженная от подвластных профессией, логикой и цифрой, деперсонализируясь, не упраздняет себя. Формы и средства принуждения изменяются, сущность нет. Нельзя также согласиться с П. Розанваллоном в том, что переход общества из одного состояния в другое превращается в борьбу с тенью отца Гамлета. Переход хотя и усложняется, но отнюдь не отменяет законов, открытых в рамках «наивной» концепции о капиталистах и плутократах, присваивающих «прибавочную стоимость».

В лумановском царстве воли и принятия решений не существует никаких ограничений кроме риска, он есть последний Рубикон, перейдя который воля и решения сами себя отрицают. Они попадают в зону вероятностного исхода. Риск, будучи мерой воли и решений, т.е. мерой власти, сдерживает ее и тем порождает другой риск: неполного ее применения, нереализации своих собственных возможностей. Власть, пребывая в противоречии между возможностью использования себя в полной мере и ограниченности риском, остается властью, ничуть не изменяясь ни в форме, ни в содержании. Это пустое, не сущностное для нее противоречие, искусственно насаждаемое с целью оправдания существующей власти, неспособной иными способами, помимо права и силы, влиять на гражданское общество. Но в обществе есть интерес представить власть, потенциал которой превышает используемый властью здесь и сейчас. И здесь как будто бы заложена положительная потенция власти в отношении гражданского общества, тогда как в действительности ее неиспользуемые возможности — не положительные, а отрицательные, они сулят гражданскому обществу преднамеренные риски, а вместе с ними и потери. В этой дельте неиспользованных возможностей власти положена потенция не мира, а войны, как в открывающихся потенциях фашизации власти, наиболее наглядным современным примером которой является украинская власть, в полной мере реализуются собственные возможности власти. И те риски, которые этот про-

цесс сопровождают, с легкостью перекалдываются властью на подвластных — так фашистская власть в Германии, учинившая мировую кровавую бойню, все свои собственные риски, переложила на мертвых и оставшихся в живых немцев.

Риск власти, как и риски, сопровождающие индивидов и связанные с принятием решений в ситуации выбора, являются оборотной стороной рисков вне решений и выбора, вне деятельности индивидов, групп и классов, вне воли и субъектов, рисков самих по себе, как отношения. Если человек в отношении к природе действительно исходил из риска как меры опасного и недозволенного, то со временем риск отодвигается на вторые, а то и третьи роли и в силу вступает экологически и нравственно определенная мера. Природа все в меньшей степени становится полем битвы и все в большей — полем рачительного хозяйствования и бережного отношения к ней. В обществе риск, сохраняя свое значение, не обособляется в некоторое самостоятельное отношение, а, будучи инкорпорированным в той или иной степени в совокупность отношений, актуализируется в кризисных ситуациях. Тем самым риски в силу объективных обстоятельств купируются в ситуации мира и разрастаются в ситуации войны. Однако даже в ситуации мира не прекращается конкуренция, поскольку она не только основной способ взаимодействия, определяющий социальное положение индивидов и целых классов, но и способ, актуализирующий риск до степени отрицания, не могущего разрушить основу существующего общества. Риск при этом не просто атрибут деятельности индивидов, а постоянно присутствующий элемент общественного устройства, который то уменьшается в своем отрицательном воздействии, то увеличивается, но никуда не исчезает, воспроизводясь вновь и вновь и до тех пор, пока не упразднятся условия, его породившие.

Отказываясь от анализа причин, порождающих риск, мысль движется в направлении здравого смысла в определении данного понятия, и чем сильнее этот отказ, тем явственнее господство в науке нарративной методологии, которая, не претендуя на уяснение внутренней сущности явления, может себя проявить только в отношении с иным, отличным от данного явления. В отношениях и действиях людей проявляется не только их индивидуальная сущность, но и их социальная сущность. В связи с чем в самом индивиде как части целого риск инкорпорирован в такой же степени, в какой он инкорпорирован в общественные отношения. Поэтому уже всякое изначальное взаимодействие не исключает риска, оно его предполагает в той мере, в которой как внешнее, так и внутреннее отрицание, присущее способу взаимодействия противоположностей, является в форме отталкивания. Но там, где противоположности не отрицают друг друга, а в результате их взаимодействия противоречия совершаются и разрешаются одновременно, представлен более менее устойчивый и положительный способ взаимодействия, в недрах которого риски сходят на нет, но до тех пор, пока существующие противоречия разрешаются. В противном случае отрицательная перспектива из потенции превращается в реальность разрушения взаимодействия. Здесь налицо негативный способ взаимодействия, который с точки зрения самого себя есть не что иное, как конфликт, но с точки зрения отрицательных перспектив данного взаимодействия есть риск. Конфликт и риск — понятия, которыми отражаются способы негативного взаимодействия. Понятием конфликт обозначается негативный способ взаимодействия, тогда как понятием риск обозначается отрицательная перспектива данного взаимодействия, т. е. отрицательная потенция и следствие негативного

способа взаимодействия как минимум для обеих сторон конфликта. Они тождественны в том, что оба суть отрицание, возникающее на основе взаимодействия противоположностей. И это равенство в определении роднит не только эти два понятия, но и способы взаимодействия, представляющие собой не причины самих себя, а продукты того способа жизни, над которым властвуют и которые подчиняют себе господствующие отношения.

Вне связи с господствующими отношениями риск предстает как атрибут и как следствие, как некоторая будущность того положения, которое в настоящем побуждает к действиям по изменению и сохранению его. А в силу того, что предпринимаемое действие с целью изменения и сохранения положения индивида, группы индивидов или организаций связано не только с идеальным образом действий, необходимых для этого, но и с явной или неявной борьбой, риски — «не что иное, как становящееся отрицание» [7, с. 321], отрицание в потенции, и только как потенция они приобретают самостоятельное бытие, а значит, существуют лишь в сознании, поэтому, говорит У. Бек, «для “объективной” констатации опасности требуется специальное заключение экспертов» [3, с. 17]. Бытие риска, явившегося вдруг ниоткуда, как черт из табакерки, не имеющего опоры в обществе, в то время как жизнь индивида полна рисков, есть противоречие не только логическое, но и противоречие действительности, в которой действия индивидов в системе господствующих отношений не являются своим логическим завершением, они им противостоят настолько, насколько велик негативный потенциал господствующих отношений. Отрывая индивида от рода и противопоставляя его ему, нельзя в теоретических изысканиях получить ничего другого, кроме индивида, идущего в поход за самим собой, но никак не могущего найти самого себя, потому что он всегда с ним, как Бог Сын не может отыскать Бога Отца, потому что он и то и другое в едином.

В нарративной методологии проблема риска, этого феномена современности, сопровождающего индивидуальную, групповую и организационную деятельность, находит свое завершение в субъекте, сознание которого пребывает в постоянном смятении, в ситуации выбора из отрицательных и положительных альтернатив. И субъект осуществляет действия на свой страх и риск, приобретая или теряя, достигая благоприятного положения или лишаясь то, которое было уже приобретено, завершая круг безысходности и вновь начиная его. То есть действие в ситуации выбора всегда имеет три значения — отрицательное, положительное и то, от которого начинается движение в направлении его изменения и сохранения. Но эти действия совершаются не в бессоциальном пространстве, они всякий раз находят свое завершение в социуме. И потому риск характеризует ситуацию единства, а не различия. Он в данном случае есть лишь средство достижения единства, получаемого в результате вычитания из целого всего, что это целое утверждает, «на карту должна быть поставлена собственная жизнь (индивида. — *Авт.*), вследствие чего только это отрицание единичности и делается чем-то целым, что ей и надлежит» [7, с. 321].

Возникая как результат господствующих отношений, риск приобрел социальное значение, ибо стал довлеющей формой капиталистического способа производства, оказывающей влияние на его судьбу в целом, перепроизводство товаров, в том числе и рабочей силы. Изобилие становится причиной не только кризисов, но и средств, сопровождающих его. Риск оказывается осязаемым продуктом капиталистического способа производства, со своей отрицательной перспективой для

всех перепроизведенных товаров. Постоянное перепроизводство товаров создает основу для отрицания их будущности. Этому процессу подвержены как индивиды, так и товары, только с той разницей, что вместе с утраченной потребительной стоимостью рабочей силы утрачивается и стоимость этой силы [8, с. 214], а значит — перспектива не только достойной жизни, но и жизни вообще, тогда как вещи-товары такой характерной особенностью не обладают. Глобальный риск утраты жизни, которому подвержены все участники капиталистического производства, связанные в единое целое посредством особенного товара, называемого деньгами, есть неминуемое следствие капиталистического товарного производства. Риск не субъективен, в чем нас убеждает «различительная» социология, в действительности он есть форма связи объективного порядка, вплетенная в господствующие отношения, средство сохранения этих отношений, являющихся индивидам воочию в ситуации перманентно порождаемых кризисов и, согласно законам капиталистического воспроизводства, распределяющихся в той степени глубины и масштабов деятельности, в которой больше или меньше господствует денежная форма связи. Риск, рассматриваемый со стороны индивидов, включенных и не могущих вырваться из изначально рискованных капиталистических отношений, всегда опасное мероприятие, и в какой-то степени их необходимая жертва, «дар, который, обязательно будет возмещен, причем ответная «поставка» ожидается большей» [9, с. 194].

Все, что укладывается в прокрустово ложе существующих отношений, пожирается риском, и тем самым риск становится защитным механизмом существующих отношений, канализируя избыток факторов, начинающих оказывать отрицательное воздействие на существующие отношения. Риск является защитным механизмом отношений, обособляется от них по своему результату, но как процесс он в них вплетен, и тем порождается проблема риска на всех уровнях социального взаимодействия, потому что все они пропитаны денежными отношениями, следствием которых, как мы уже говорили, и становятся отношения риска. Власть риска ограничена полем действия денежных отношений. В профессиональной деятельности риски в основном связаны с незнанием, неумением и с отсутствием навыков, в социальной деятельности отсутствие знаний и навыков жизни в обществе тоже играют заметную роль, но социальное знание и навыки не освобождают человека от рисков, ибо над знанием и навыками господствует объективный риск, который своей невидимой рукой делает и знания, и навыки человека немощными, как делает людей немощными гнев бога (Откр. 6: 15–17).

Объективный риск есть величайшее изобретение капитала, которое стало заметным лишь с улучшением жизни людей. «Очевидность нищеты вытесняет восприятие рисков; но только восприятие, а не их наличие и воздействие, риски, которых не хотят замечать, растут особенно хорошо и быстро» [3, с. 32]. Их осознание индивидами, с одной стороны, есть симптом понимания ими пагубности общества, приковывающего их к капиталу не только телесно, но и духовно, с другой стороны, есть начало поиска выхода из зависимости от капитала и вместе с тем — начало появления внутреннего протеста против него. Для снижения давления капитала необходимо искать выход не в сознании людей, а в тех отношениях, которые препятствуют положительной перспективе, оставляя при этом отрицательную перспективу в виде потенциальных рисков для одних и реальных для других. До тех пор, пока риски будут рассматриваться лишь со стороны субъектов, а их объективные

корни, покоящиеся в капиталистической денежной цивилизации, будут умаляться [10, с. 21–34], человеку так и не будет доступно понимание того, что риски — это отношения, непренный закон и фактор капитализма.

Объективный риск, будучи отчужденным от человека и существующий самостоятельно рядом со всей совокупностью капиталистических отношений, требует с силой закона подчинения себе. Это всеобщее требование ко всем, безотносительно ранга и статуса, делает риск постоянно действующим фактором капитализма. Однако вместе с тем риск избирателен, и каждый раз в его зоне оказываются то одни, то другие, независимо от того, к какому классу они принадлежат. Потенция риска есть продукт капиталистических отношений, которые с завидным постоянством, сохраняя зоны положительных взаимодействий, порождают зоны риска. Весь капиталистический способ жизни, даже в самые благоприятные годы, сохраняет бытие риска, он, как шлейф кометы, существует до тех пор, пока тело последней не сгорит полностью, соприкоснувшись с слоями атмосферы. Поэтому, пока существует капитализм, будут существовать и риски, тиражируясь то в большем, то в меньшем количестве, поражая то большее, то меньшее число людей. Власть риска действительна лишь потому, что действительна власть капитала. Вместе с последним уйдут и риски, их власть с каждым шагом от капитализма будет меркнуть.

Власть риска поражает все сферы гражданского общества, от экономики до духовной жизни, и каждая сфера, испытывая на себе влияние этой перспективы, этого отрицания самой себя, обеспокоена своим будущим и в настоящем создает зоны защиты, чтобы не только обезопасить себя сегодня, но и завтра сохранять не меньшие объем и влияние. Риск потери влияния в обществе, а вместе с ним и власти, порождает в различных сферах общества внутренний мотив и энергию захватывать как можно большее количество индивидов, превращать их в своих приверженцев, и тем формировать социальный фундамент всей надстроечной конфигурации, социальный фасад храма, к которому должны вести все дороги. Всякая представленная сфера жизни общества наделяется в той или иной мере властью. И здесь власть проявляется не только как воля оказывать воздействие на индивидов и целые классы с целью определить их в системе норм, которые не позволяют ни индивиду, ни классу отступить от себя, не испытывая санкций со стороны властвующего. Власть — это такое отношение между людьми, которое опосредуется не волей, а вещью. Вещь, или вещные отношения, и есть власть, отчужденная и обуславливающая людей, заставляющая действовать вопреки их воле, для того чтобы вещь признала их право на себя.

Потуги человечества избавиться от рисков в поле капиталистической случайности тщетны. Риск — это рок, он может выпасть на долю любого индивида, народа, общества, государства. Кому достанется риск, а кого он минует, никому не ведомо. Не родилась та Ванга, которая могла бы указать перспективу избавления от рисков индивида, народа, общества, государства. Неопределенность перспективы толкает сознание, особенно обыденное сознание, в руки предсказателей, держащих будущее за бороду. И это желание сознания увидеть перспективу, вместо того чтобы обратить свой взор к науке, побуждает его устремляться в мистику, и, видимо, потому современная социальная наука настолько возвысилась над «наблюдателями первого порядка», настолько далеко ушла от действительности и ее проблем, что стала доступной незначительному кругу «наблюдателей второго порядка», к кото-

рым относится Н. Луман. Наука, дружащая с действительностью, давно указала на то, что перспектива человека — в направлении освобождения отношений от диктата власти вещных отношений. Исключить риск из жизни человека не видится возможным в обществе, где вещные отношения падут, но этот риск будет уже не продуктом социального господства, а риском научных, естественных и социальных, открытий, он обязательно будет минимизирован прямо пропорционально росту ценности человеческого существования, и уже не сможет играть заметной отрицательной роли.

Риск власти и власть риска — понятия, которыми отражается различная совокупность связей и отношений, в которых риск выступает в качестве средства сохранения господствующих отношений. Будучи вплетенным в эти отношения и приобретающим самостоятельное бытие с явно выраженной перспективой отрицания в ситуации кризиса и войны, риск как отрицательная перспектива давит и низводит жизнь человека до неопределенности и опасности окончательной потери положительной связи с обществом. Объективность риска вытекает из того простого факта, который заключается в том, что господствующие отношения представляют собой не продукт независимой самодеятельности людей, а продукт отношений, опосредованных вещами, в которых посредник из рядового сводника превращается в абсолютную силу влияния на индивида. Посредник становится объективной властью, бессубъектной, определяющей, регулирующей и контролирующей, подчиняющей себе волю, обуславливая властные действия, а вместе с ними и властные решения, стремящиеся к полюсу бессубъектной власти, в чем и положен риск потери власти, ибо, вращаясь между бессубъектной властью и индивидом, сила отталкивания от интересов индивидов превышает силу притяжения к ним. Риск власти, выраженный в разнице между силой притяжения к бессубъектной власти и отталкивания от интересов индивидов, есть противоречие, которое приобретает адекватную политическую форму своего совершения и разрешения одновременно. Риск власти актуализируется, когда сила притяжения бессубъектной власти значительно превосходит силу притяжения воли в направлении удовлетворения интересов индивидов. Наступает момент становящегося отрицания власти. Риск, будучи вплетенным в господствующие отношения, обособляется в самостоятельное бытие в качестве средства сохранения этих отношений, в форме отрицания позитивных перспектив индивидуального бытия, перекалывания на плечи индивидов социальных рисков, превращая их в риски субъективные, за которые полностью несет ответственность принявший неверные решения индивид. Метаморфозы редукции объективных рисков, присущих обществу, в риски субъективные и индивидуальные, а также редукции индивидуальных рисков в риски объективные и общественные через сложную систему связей и взаимозависимостей завершаются в конфликте. В конфликте риск объективируется в действиях, сокрушающих противодействие отрицательных перспектив, утверждением такой системы отношений, в которых власть риска слабеет и затухает. Риск как перспектива отрицания бытия индивида, и даже индивидуального бытия, не может быть определен в терминах этого бытия, а только в терминах социального бытия. «Сочиненная реальность» [11, с. 75–76] субъективного риска — продукт вымышленной индивидуальной реальности, существующей отдельно от общества, что не только обедняет и искажает определение риска, но неверно определяет средства защиты от него.

Литература

1. Альгин, А. П. (1990), *Риск: сущность, функции, детерминация, разновидности, методы оценки* (Социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_284258/viewer/?page=21 (дата обращения: 15.02.2020).
2. Boholm, M. (2019), How do Swedish Government agencies define risk?, *Journal of Risk Research*, vol. 22, is. 6, pp. 717–734.
3. Бек, У. (2000), *Общество риска: На пути к другому модерну*, пер. с нем. Седельник, В. и Федорова, Н., М.: Прогресс-Традиция.
4. Луман, Н. (1994), *Понятие риска*, пер. Филиппов, А. Ф., *THESIS*, вып. 5, с. 135–160.
5. Луман, Н. (2001), *Власть*, пер. с нем. Антоновский, А. Ю., М.: Практика.
6. Розанвалон, П. (2007), *Утопический капитализм. История идеи рынка*, пер. с франц. Зайцева, А., ред. и предисл. Каплун, В., М.: Новое литературное обозрение.
7. Гегель, Г. В. Ф. (1978), Система нравственности, в Гегель, Г. В. Ф., *Политические произведения*, М.: Наука, с. 276–367.
8. Маркс, К. (1960), Капитал, в Маркс, К. и Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд, т. 23, М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
9. Базулин, Ю. В. (2008), *Происхождение и природа денег*, СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
10. Катасонов, В. Ю. (2013), *Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации»*, ред. Платонов, О. А., М.: Ин-т русской цивилизации, с. 21–34.
11. Хеттих, М. (1993), Основные понятия политической науки, в *Политология (70–80-е годы)*, М.: НИИВО ИНИОН, с. 75–76.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2019 г.;
рекомендована в печать 19 марта 2020 г.

Контактная информация:

Стребков Александр Иванович — д-р полит. наук, проф.; a.strebkov@spbu.ru
Мусаев Абдурашид Идрисович — канд. полит. наук; musaev_rashid@yahoo.com

Risk of power — power of risk

A. I. Strebkov, A. I. Musaev

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian federation

For citation: Strebkov A. I., Musaev A. I. Risk of power — power of risk. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 2, pp. 394–406. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.215> (In Russian)

The article is dedicated to the risk of power and power of risk analysis, definitions of risk and substantiation of its objective nature, which is determined by the system of ruling social relations. Criticism is presented of Luhmann's and Beck's views, which ignore the objective nature of risk and its definitions. The risk of power and power of risk are concepts that reflect the different summation of connections and relations, where risk acts as a means for maintaining a dominant relationship. Objectivity of risk stems from the fact that the prevailing relationship is not a product of independent initiatives by people, but it is a result of relations mediated by items and things in which the mediator transforms itself from an ordinary “panderer” into absolute power of influence over an individual. The mediator becomes objective power, in other words, subjectless power which eventually submits to human will and substantiates power-wielding actions and power-wielding decisions, which aspire to the subjectless power's pole and is at risk for losing power. While rotating between subjectless power and the individual, the repulsion force from individuals' interests surpasses the force of attraction towards them.

Risk, being woven into dominant relations, separates into independent being as a means of preserving these relations, in the form of negating the positive prospects of individual being, shifting social risks onto the shoulders of individuals, and turning them into subjective risks whereby the individual bears fully responsibility when making wrong decisions. Metamorphoses of the reduction of objective risks, inherent in society, into subjective and individual risks and the reduction of individual risks into objective and public risks, through a complex system of relations and interdependencies, end in conflict. Within conflict, risk is objectified in actions, which demolish the opposition of negative prospects. Conflict asserts a relations' system in which risk weakens and fades.

Keywords: risk, risk of the power, power of the risk, subjective risk, objective risk, individual, society, ruling relations, capital, money civilization, conflict.

References

1. Al'gin, A. P. (1990), *Risk: essence, functions, determination, varieties, evaluation methods (Socio-philosophic analysis)*, abstract of D.Sc. Dissertation, Moscow. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_284258/viewer/?page=21 (accessed: 15.02.2020). (In Russian)
2. Boholm, M. (2019), How do Swedish Government agencies define risk?, *Journal of Risk Research*, vol. 22, is. 6, pp. 717–734.
3. Beck, U. (2000), *Risk Society: Towards a New Modernity*, transl. by Sedel'nik, V. and Fedorova, N., Moscow: Progress-Traditsiia. (In Russian)
4. Luhmann, N. (1994), The concept of risk, transl. by Filippova, A. F., *THESIS*, no. 5, pp. 135–160. (In Russian)
5. Luhmann, N. (2001), *Power*, transl. by Antonovskij, A. Yu., Moscow: Praksis Publ. (In Russian)
6. Rosanvallon, P. (2007), *Utopian Capitalism: A History of the Idea of the Market*, transl. from French by Zajceva, A., academic ed., transl. ed. and preface by Kaplun, V., Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
7. Hegel, G. F. W. (1978), System of Ethical Life, in Hegel, G. F. W., *Politicheskie proizvedeniia*, Moscow: Nauka Publ., pp. 276–367. (In Russian)
8. Marx, K. (1960), Capital, in Marx, K. and Engels, F., *Sochineniia*, 2nd ed., vol. 23, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
9. Bazulin, Yu. V. (2008), *The origin and the nature of money*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Petersburgskogo universiteta. (In Russian)
10. Katasonov, V. Yu. (2013), *Capitalism. History and ideology of the "money civilization"*, science ed. by Platonov, O. A., Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ. (In Russian)
11. Hettih, M. (1993), The main concepts of the political science, in *Politology (70s–80s)*, Moscow: NI-IVO INION Publ., pp. 75–76. (In Russian)

Received: October 27, 2019

Accepted: March 19, 2020

Authors' information:

Alexander I. Strebkov — Dr. Sci. in Politology, Professor; a.strebkov@spbu.ru

Abdurashid I. Musaeu — PhD in Politology; musaeu_rashid@yahoo.com